

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН. СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедев-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 42 (893)

Воскресенье, 4 августа 1940 г.

Цена 30 коп.

Последнее свидание

Печатаемый отрывок представляет собою главу из рукописи писательницы Л. А. Авилловой «А. П. Чехов в моей жизни (наш роман)», которая подготовлена к печати и выйдет в свет в издании Литературного музея.

В середине апреля 1898 г. Чехов приехал в Москву. Я ему написала, что 1-го мая буду проездом на вокзал, и он ответил: «Воскресенье я буду еще в Москве. Не приедете ли вы ко мне с вокзала утром пить кофе? Если будете с детьми, то заберите и детей. Кофе с бутылками, со сливками; дам и ветчины».

Но мне приехать к Чехову было очень неудобно. От поезда до поезда было всего часа два или немного больше и надо было накормить всех завтраком, выхлопотать отдельное купе. Ехать на каких-нибудь четверть часа не стоило. Так я и написала Антону Павловичу.

Едва мы кончили завтракать, как увидели Антона Павловича, который шел, оглядываясь по сторонам, очевидно, отыскивая пас. В руках у него был пакет.

— Смотрите, какие карамельки, — сказал он, поздоровавшись. — Писательские. Как вы думаете: удостоится ли мы когда-нибудь такой чести?

На обертках каждой карамельки были портреты: Тургенева, Толстого, Достоевского...

— Чехова еще нет? Странно! Успокойтесь: скоро будет.

Антон Павлович позвал к себе детей и взял Ниночку на колени.

— А отчего она у вас похожа на классную даму? — спросил он.

Я возмутилась. Почему — классная дама?

Но он так ласково перебирал локоны белокурых волос и заглядывал в большие серые глаза, что мое материнское самолюбие успокоилось. Ниночка припала головкой к его плечу и улыбалась.

— Меня дети любят, — ответил он на мое удивление, что девочка несколько не личится его. — А я вот что хочу предложить вам: сегодня вечером играют «Чайку» только для меня. Посторонней публики не будет. Оставайтесь до завтра. Согласны?

Согласиться я никак не могла. Надо было бы везти детей, французенку и горничную в гостиницу, телеграфировать сестре в деревню, телеграфировать мужу в Петербург. Все было чрезвычайно сложно и трудно.

— Вы никогда со мной ни в чем не согласны! — хмуро сказал Антон Павлович. — Мне очень хотелось, чтобы вы видели «Чайку» вместе со мной. Неужели нельзя это как-нибудь устроить?

Но как мы ни прикидывали, все оказывалось, что нельзя.

— А у вас есть с собой теплое пальто? — вдруг спросил Антон Павлович. — Сегодня очень холодно, хотя 1-е мая. Я в драповом озяб, пока сюда ехал.

— И я очень жалею, что вы ехали, — сказала я. — Еще простудитесь по моей вине.

— А с вашей стороны безумие ехать в одном костюме. Знаете, я сейчас напишу записку Маше, чтобы она привезла вам свое драповое. Я сейчас же пошлю... Она успеет.

Мне стоило большого труда уговорить его отказаться от этой мысли.

— Так телеграфируйте мне, если простудитесь, и я приеду вас лечить. Ведь я хороший доктор. Вы, кажется, не верите, что я хороший доктор?

— Приезжайте ко мне не лечить, а погостить, — попросила я. — На это вы согласны?

— Нет! — сказал он быстро и решительно. И сейчас же перевел разговор на другое.

— Пришлось вам повозиться со мной эту зиму! Неужели вы читали все, что переписывали ваши писатели? ¹ Как мне вас было жалко! А дом-то вы мне покупали!.. — Он хмуро улыбнулся. — Не было у бабы заботы, да завела баба порося...

Пришел носильщик и объявил, что можно занимать места, взял багаж и пошел, а следом за ним побежали дети и французенка.

Антон Павлович взял мой ручной саквояж и две коробки конфет, которые мне привезли провожающие в Петербурге. Мы тоже собрались идти, когда я заметила, что пальто его расстегнуто. Так как руки его были заняты, то я остановила его и стала застегивать пальто.

— Вот как простужаются! — сказала я.

— И вот так всегда, всегда напоминают, что я больной, что я уже нигде не могу. Неужели никогда, никогда нельзя этого забыть? Ни при каких обстоятельствах?

— А я вот здорова, да насилу отговорила вас послать за теплой одеждой Марии Павловны. Вам можно заботиться о том, чтобы я не простудилась, а мне нельзя?

— Так зачем же мы ссоримся, матушка? — спросил Антон Павлович и улыбнулся.

— Вы сегодня не в духе, — заметила я и, смеясь, прибавила, — хотя в новых калошах.

— Совсем не новы! — опять сердито возразил Антон Павлович.

Мы шли по платформе.

— Вы знаете: теперь уже десять лет, как мы знакомы, — сказал Чехов. — Да, десять лет. Мы были молоды тогда.

— А разве мы теперь стары?

— Вы — нет. Я же хуже старика. Старики живут, где хотят и как хотят. Живут в свое удовольствие. Я связан болезнью во всем.

— Но ведь вам лучше.

— Оставьте! Вы сами знаете, чего стоит это улучшение.

— А знаете, — неожиданно оживляясь, прибавил он, — мне все-таки часто думается, что я могу поправиться, выздороветь совсем. Это возможно. Это возможно. Неужели же кончена жизнь?

Из окна купе смеялись и кивали три детских личика. Опять подбежал носильщик, получил свою мзду и исчез.

— Пойдемте в вагон, — предложил Антон Павлович. — Мало того, что у вас скверный характер, вы легкомысленны и неосторожны. Ваш костюм меня возмущает. Как вы поедете ночью на лошадах?.. Сколько верст?

Ребята обрадовались нам, как будто мы давно не видались. Антон Павлович сейчас же опять взял Ниночку на колени, а мой младший сын протянул Антону Павловичу книгу.

— Я ее купил здесь в киоске. Вы это читали?

Антон Павлович взял книгу и перелистал ее.

— Я эту книгу читал, — очень серьезно сообщил он. — Это сочинение Пушкина. Это хорошая книга. Ты хорошо выбрал.

Лодя просиял.

— Это стихи. Вы любите стихи, Антон Павлович?

— Да, я очень люблю стихи Пушкина. Пушкин прекрасный поэт.

— Чуть не забыла отдать вам ваш последний рассказ, — спохватилась я. — Почему-то он остался...

— Воображаю, какая это дрянь. Вы его тоже читали?

— Нет, это не дрянь. Это рассказ Чехонте. Я очень люблю рассказы Чехонте. Это прекрасный писатель, — смеясь возразила я.

— А сегодня вечером пойдет «Чайка». Без публики, только для меня. Ах, какие артисты! Какие артисты! Вы знаете, они приезжали в Крым. Ну, да, вы читали в газетах... А я сердит на вас, что вы не захотели остаться...

Послышался звонок, и Антон Павлович встал.

Мне вдруг вспомнилось прощание АLEXИНА с ЛУГАНОВИЧ ² в вагоне перед самым отходом поезда: «Я обнял ее, она прижалась к моей груди»... Я чувствовала, как вдруг заколотилось сердце и будто что-то ударило в голову.

— Но мы прощаемся не навсегда, — старалась я внушить самой себе. — Возможно, что он даже приедет ко мне или к Сергею Николаевичу.

Я не видела, как Антон Павлович простился с детьми, но со мной он не простился вовсе и вышел в коридор. Я вышла за ним. Он вдруг обернулся и взглянул на меня строго, холодно, почти сердито.

— Даже если заболете, не приеду, — сказал он. — Я хороший врач, но я... взял бы очень дорого... Вам бы стоило это очень дорого. Значит, не увидимся.

Он быстро пожал мою руку и вышел.

— Мама! мама! — кричали дети, — или скорей, скорей!

Поезд уже стал медленно двигаться. Я видела, как мимо окна проплыла фигура Антона Павловича, но он не оглянулся.

Я тогда не знала, не могла предполагать, что вижу его в последний раз.

Тем не менее, я больше никогда его не видела и наше прощание в вагоне было прощанием навсегда. Почему? Я не знаю.

¹ Л. А. Авиллова организовала в Петербурге по просьбе А. П. Чехова переписку чеховских рассказов из старых газет для полного собрания сочинений писателя.

² Персонажи чеховского рассказа «О любви».

Комментарий

Авилова (урожденная Страхова) Лидия Алексеевна (1864–1943) — писательница. Печаталась в «Вестнике Европы», «Ниве», «Новом слове», «Русских ведомостях», «Русском богатстве». С 1904 по 1919 гг. выпустила несколько сборников рассказов.

Существуют две версии воспоминаний Авиловой о Чехове. Первая – краткая – была опубликована в 1910 г. (в газетах «Русские ведомости» и «Голос Москвы», а также в сборниках «О Чехове» и «Чеховский юбилейный сборник»). Авилова вспоминает о знакомстве с писателем, посещении его в клинике проф. Остроумова (март–апрель 1897 г.), где Чехов лечился от легочного кровоизлияния.

Итоговая редакция воспоминаний была впервые полностью опубликована в сборнике «Чехов в воспоминаниях современников» (М.: Художественная литература, 1986). Воспоминания отличаются от текстов 1910 г. подробным рассказом о тайных романтических отношениях между Авиловой и Чеховым. В современной научной среде эти мемуары в целом котируются как недостоверные. Многие подробно описанные в мемуарах Авиловой ситуации (в том числе и изображенная в «Последнем свидании») и образ Чехова следует воспринимать как беллетризацию, имеющую опосредованное отношение к реальному писателю, поскольку все свидетельства о тайном романе восходят исключительно к Авиловой и не находят подтверждения в сторонних источниках: сохранившаяся переписка (31 письмо Чехова и три письма Авиловой) посвящена в основном творческим вопросам; автограф чеховского письма от 25 мая 1901 г., якобы подписанного «Алехин» (герой рассказа Чехова «О любви») и которое можно трактовать как объяснение в романтических чувствах, не сохранился, и в Полном собрании сочинении и писем (серия Письма Т. 10, М.: Наука, 1981, с. 33) публикуется по тексту воспоминаний Авиловой, которая, по собственному признанию, восстановила его по памяти. (См. также Садыги Л.М. Чернильница в форме сердца. (Лидия Авилова и ее мемуары о Чехове) // Чеховиана: Чехов в культуре XX века. М.: Наука, 1993. С. 190–236). Не находит подтверждения в иных источниках, кроме воспоминаний Авиловой, и описанная в «Последнем свидании» встреча на Рязанском вокзале.

...сегодня вечером играют «Чайку только для меня... — В начале отрывка Авилова пишет, что действие происходит 1 мая 1898 г.. Если это не опечатка и не ошибка наборщика, то ошибка памяти. «Чайка» провалилась на сцене Александринского театра Санкт-Петербурга 17 октября 1896 г. Московская премьера, в исполнении Художественного театра, состоялась 17 декабря 1898 г. На этом показе Чехов не присутствовал. Закрытый показ «Чайки» для автора и без декораций состоялся 1 мая 1899

г. в арендованном на сутки помещении театра «Парадиз» (ныне – Московский академический театр имени Владимира Маяковского).

...напишу записку Маше... — имеется в виду сестра писателя Мария Павловна Чехова. Два эпизода подряд – приглашение на закрытый показ «Чайки» и желание побеспокоить сестру просьбой привезти на вокзал драповое пальто – призваны в данном беллетристическом контексте продемонстрировать глубину чувства «мемуарного» Чехова к Авиловой.

Неужели Вы читали все, что переписывали Ваши писатели? — 26 января 1899 г. Чехов заключил договор с издателем А.Ф. Марксом на издание полного собрания своих сочинений. По договору Маркс получал право собственности на все написанные Чеховым тексты (кроме дохода с пьес), которые писатель обязан был собрать и предоставить издателю. В поиске и переписке ранних произведений Чехова, опубликованных в «Петербургской газете», ему, благодаря родству с редактором-издателем газеты С.Н. Худековым (см. примечание ниже) помогала Авилова (получила на дом переплетенные комплекты газеты и наняла двух переписчиков).

Мне вдруг вспомнилось прощание Алехина с Луганович... — персонажи рассказа Чехова «О любви» (1898). Авилова настаивала, что рассказ посвящен истории ее взаимоотношений с Чеховым.

...приедет ко мне или к Сергею Николаевичу. — С.Н. Худеков (1837-1929), журналист, редактор-издатель «Петербургской газеты», в которой Чехов публиковался в 1880-е гг., муж сестры Авиловой – Надежды Алексеевны. По версии Авиловой, в квартире Худекова произошли два важных события в истории ее взаимоотношений с Чеховым: 24 января 1889 г. состоялось знакомство, а после празднования 25-летнего юбилея «Петербургской газеты» 1 января 1892 началась переписка.